

Макс и Пра. 1919 г.

состоянии ее здоровья. Когда, выздоровев, отправилась к родне во Францию, билеты на парижский поезд были раскуплены в считанные часы. Так же как и яд в аптеках, когда Черубина, вернувшись в Петербург, по настоянию своего исповедника-иезуита дала обет постричься в монахини. Истинное безумие!

Были у таинственной поэтессы и недоброжелатели. К примеру, Елизавета Дмитриева, жившая в Петербурге почти затворницей, умудрялась распространять меткие эпиграммы и пародии на Черубину де Габриак. Считалось, что Лиля просто страдает от ревности. Мстительный Гумилев торжествовал. И, чтоб сделать ей еще больнее, принялся повсюду говорить о Дмитриевой непристойности. Одну из них услышал Волошин и отвесил Гумилеву пощечину. Кто бы мог ожидать рукоприкладства от вечно добродушного, толстокожего Макса...

Стреляться решили на Черной речке. Секундантам с трудом удалось смягчить условия: вместо дуэли с пяти шагов до смерти — единственный обмен выстрелами с двадцати шагов. Настоящие дуэльные пистолеты нашли с трудом, и такие старые, что вполне могли помнить Пушкина с Дантесом. Наконец ненастным ноябрьским утром прогремели два выстрела. Когда дым рассеялся, оба врага стояли на ногах. Повезло...

Полиция раскрыла это дело, обнаружив на месте дуэли галошу одного из секундантов. Трагедия превращалась в фарс! Не успел Петербург обсудить скандальные подробности, как грянула новая сенсация: Черубины де Габриак не существу-

ет! Елизавета Дмитриева, выслушав очередную упрёк в несправедливости, проговорила: «Черубина — это я». Оказалось, автор ее писем в «Аполлон» — Волошин. Он же сочинил сценарий телефонных разговоров Черубины с Маковским. И болезнь, и Париж, и исповедника-иезуита, и даже вражду Черубины с Дмитриевой — все это придумал Макс. Он учел все — кроме того, что его обожаемая Лиля сама отравится сладким ядом коленопреклоненной любви Маковского.

Они даже попытались встретиться — Маковский увидел, как некрасива его Черубина, и все было кончено. Но и от Макса Лиля ушла. Она сказала, что не может больше писать стихов, не может и любить — и это мсть Черубины. Ей все казалось, что она — самозванка, что однажды на улице к ней подойдет настоящая Де Габриак и потребует ответа...

«ОБОРМОТЫ» БОРЮТСЯ

С тех пор Волошин всерьез не влюблялся и о женитбе не помышлял. Зато его гостеприимство достигло теперь каких-то вселенских масштабов! К дому постоянно пристраивались какие-то терраски и сарайчики, «обормотов» от лета к лету становилось все больше. Что причиняло немало беспокойства добропорядочным соседям — семейству коктебельской помещицы Дейша-Сионицкой. Эта высоко-

нравственная дама в пику «Ордену» основала Общество благоустройства поселка Коктебель, и началась война!

Общество благоустройства, обеспокоенное тем, что «обормоты» купаются голыми, мужчины и женщины вперемешку, установило на пляже столбы со стрелками в разные стороны: «для мужчин» и «для женщин». Волошин собственноручно распилил эти столбы на дрова. Общество благоустройства пожаловалось в полицию. Волошин объяснил, что считает неприличным водружение перед его дачей надписей, которые люди привыкли видеть только в совершенно определенных местах. Суд взыскал с Волошина штраф в несколько рублей. «Обормоты» во главе с Пра темной ночью устроили Дейша-Сионицкой кошачий концерт.

Удивительно, но и в 1918-м, когда в Феодосии началась чехарда со сменой власти, республика поэтов и художников процветала всего в десятке километров. Здесь принимали, кормили и спасали всех, кто в этом нуждался. Это напоминало игру в казаки-разбойники: когда генерал Сулькевич выбил красных из Крыма, Волошин прятал у себя делегата подпольного большевистского съезда. «Имейте в виду, когда вы будете у власти, точно так же я буду поступать и с вашими врагами!» — пообещал Макс спасенному на прощание.

Макс (сидит четвертый справа) и его гости. Стоят: Сергей Эфрон и Марина Цветаева. Вторая справа сидит Анастасия Цветаева. Вторая слева сидит Елена Оттобальдовна. 1925 г.